

ОЛДОС
ХАКСЛИ

◊

НОВЕЛЛЫ

◦

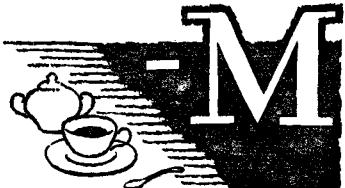
ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
1985

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

1

мисс Спенс сейчас пожалует, сэр.

— Благодарю вас,— сказал мистер Хаттон, не обворачиваясь. Горничная мисс Спенс была до такой степени уродлива — уродлива предумышленно, как ему всегда казалось, злонамеренно, преступно уродлива,— что он старался по возможности не смотреть на нее. Дверь закрылась. Оставшись один, мистер Хаттон встал и заходил по гостиной, поглядывая на знакомые вещи, которые встречало здесь его созерцательное око.

Фотографии греческой скульптуры, фотографии римского Форума, цветные репродукции картин итальянских мастеров — все такое бесспорное, такое известное. Бедняжка Дженнет! Какая узость кругозора, какой интеллектуальный снобизм! О ее подлинном вкусе можно судить вот по этой акварели уличного художника, за которую она заплатила два с половиной шиллинга (а за рамку тридцать пять). Сколько раз ему приходилось выслушивать от Дженнет эту историю, сколько раз она восхищалась при нем этой ловкой подделкой под олеографию. «Подлинный художник, и где — на панели!» — и слово «художник» звучало в ее устах с большой буквы. Понимайте так, что ореол его славы осенил отчасти и Дженнет Спенс, не пожалевшую дать ему полкроны за копию с олеографии. Она как бы воздавала должное собственному вкусу и художественному чутью. Подлинный старый мастер за полкроны. Бедняжка Дженнет!

Мистер Хаттон остановился перед небольшим продолговатым зеркалом. Нагнувшись слегка, чтобы разглядеть в нем свое лицо, он провел белым холеным пальцем по усам. Усы у него были такие же пышные и золотистые, как и двадцать лет назад. Волосы тоже не поседели,

и пока что никакого намека на плешь — только лоб стал несколько выше. «Как у Шекспира», — улыбнувшись, подумал мистер Хаттон, разглядывая блестящую и гладкую крутизну своего чела.

С другими спорят, ты ж неуязвим... Из бездны к вершинам... Величие твое... Шекспир! О, если бы ты жил средь нас!.. Впрочем, это, кажется, уже о Мильтоне — прекрасная дама Христова Колледжа. Да, но в нем то, в нем самом ничего дамского нет. Таких, как он, женщины называют настоящими мужчинами. Поэтому он и пользуется успехом — женщинам нравятся его пышные, золотистые усы и то, что от него приятно пахнет табаком. Мистер Хаттон снова улыбнулся — он был не прочь подшутить над самим собой. Прекрасная дама Христова? Э-э, нет! Дамский Христос — вот он кто. Мило, очень мило. Дамский Христос. Мистер Хаттон пожалел, что здесь не перед кем блеснуть таким каламбуром. Бедняжка Дженнет — увы! — не сможет оценить его.

Он выпрямился, пригладил волосы и снова заходил по гостиной. Римский Форум, бр-р! Мистер Хаттон терпеть не мог эти унылые фотографии.

Вдруг он почувствовал, что Дженнет Спенс здесь, стоит в дверях. Он вздрогнул, точно застигнутый на месте преступления. Дженнет Спенс всегда появлялась бесшумно, как призрак, — это была одна из ее особенностей. А что, если она давно стоит в дверях и видела, как он разглядывает себя в зеркале? Нет, не может быть! А все-таки неприятно.

— Вы застали меня врасплох, — сказал мистер Хаттон, с протянутой рукой идя ей навстречу, и улыбка снова заиграла у него на лице.

Мисс Спенс тоже улыбалась — своей улыбкой Джоконды, как он однажды полунасмешливо польстил ей. Мисс Спенс приняла комплимент за чистую монету и с тех пор старалась держаться на высоте леонардовского образца. Отвечая на рукопожатие мистера Хаттона, она продолжала улыбаться молча — это тоже входило в роль Джоконды.

— Как вы себя чувствуете? Надеюсь, неплохо? — спросил мистер Хаттон. — Вид у вас прекрасный.

Какое странное у нее лицо! Этот ротик, стянутый улыбкой Джоконды в хоботок с круглой дыркой посередине, словно она вот-вот свистнет, был похож на ручку без пера. Надо ртом — тонкий нос с горбинкой.

Глаза большие, блестящие и темные — глаза того разреза, блеска и темноты, которые будто созданы для яичменей и воспаленно-красных жилок на белке. Красивые, но неизменно серьезные глаза, ручка без пера могла сколько угодно изошаряться в улыбке Джоконды, но взгляд оставался по-прежнему серьезным. Смело изогнутые, густо прочерченные темные брови придавали верхней части этого лица неожиданную властность — властность римской матроны. Волосы были темные, тоже как у римлянки; от бровей кверху — истинная Агриппина.

— Решил заглянуть к вам по дороге домой,— говорил мистер Хаттон.— Ах, как приятно...— он повел рукой, охватив этим жестом цветы в вазах, солнечные блики и зелень за окном,— как приятно вернуться на лоно природы после делового дня в душном городе.

Мисс Спенс села в кресло и указала ему на стул рядом с собой.

— Нет, нет, увольте! — воскликнул мистер Хаттон.— Тороплюсь домой, надо узнать, как там моя бедная Эмили. Ей нездоровилось с утра.— Тем не менее он сел.— Все жалуется на приступы печени. Вечное недомогание. Женщинам...— мистер Хаттон осекся на полуслове и кашлянул, стараясь замять дальнейшее. Он чуть не сказал, что женщинам с плохим пищеварением не следует выходить замуж; но это было бы слишком жестоко с его стороны, да он, собственно, так и не думал. К тому же Дженнет Спенс веровала в неугасимый пламень чувств и духовное единение.— Эмили надеется, что ей будет лучше,— добавил он,— и ждет вас к завтраку. Приедете? Ну, пожалуйста! — Он улыбнулся для вящей убедительности.— Учтите, что приглашение исходит и от меня.

Она потупилась, и мистеру Хаттону показалось, что щеки у нее чуть порозовели. Это была дань ему; он провел рукой по усам.

— Если Эмили действительно не утомит мой приезд, я непременно буду.

— Разумеется, не утомит. Ваше присутствие подействует на нее благотворно. И не только на нее, но и на меня тоже. Поговорка «третий лишний» обычно не распространяется на супружескую жизнь.

— О-о, какой вы циник!

Всякий раз, как мистер Хаттон слышал это слово, ему хотелось отрыгнуться: «Гав-гав-гав!» Оно коробило его

больше всех других слов в языке. Однако вместо того чтобы залаять, он поспешил сказать:

— Нет, что вы! Я только повторяю печальную истину. Действительность не всегда соответствует нашим идеалам. Но это не уменьшает моей веры в них. Я страстно предан мечте об идеальном браке между двумя существами, живущими душа в душу. И, по-моему, этот мой идеал достичим. Безусловно, достичим.

Он многозначительно замолчал и бросил на нее лукавый взгляд. Девственница — но еще не увядшая, несмотря на свои тридцать шесть лет. Не лихена своеобразной прелести. И к тому же в ней действительно есть что-то загадочное. Мисс Спенс ничего не ответила ему и продолжала улыбаться. Бывали минуты, когда мистеру Хаттону претила эта джокондовская улыбка. Он встал.

— Ну, мне пора. Прощайте, таинственная Джоконда.— Улыбка стала еще напряженнее, она сосредоточилась в стянувшемся по краям хоботке. Мистер Хаттон взмахнул рукой — в этом жесте было что-то от Высокого Возрождения,— и поцеловал протянутые ему пальцы. Он впервые позволил себе такую вольность, и ее, видимо, не сочли чрезмерной.— С нетерпением буду ждать завтрашнего дня.

— В самом деле?

Вместо ответа мистер Хаттон поцеловал ей руку еще раз и повернулся к двери. Мисс Спенс вышла вместе с ним на террасу.

— А где ваша машина?

— Я оставил ее у ворот.

— Я пойду проводжу вас.

— Нет, нет! — Тон у мистера Хаттона был шутливый, но в то же время решительный.— Ни в коем случае! Запрещаю!

— Но мне хочется вас проводить,— запротестовала мисс Спенс, стрельнув в него своей Джокондой.

Мистер Хаттон поднял руку.

— Нет,— повторил он, потом коснулся пальцами губ, что можно было принять чуть ли не за воздушный поцелуй, и побежал по аллее — побежал на цыпочках, размашистыми, легкими прыжками, совсем как мальчишка. Сердце его переполнилось гордостью; в этом беге было что-то пленительно юношеское. Тем не менее он обрадовался, когда аллея кончилась. У поворота — там, где его еще можно было увидеть из дома,— он останов-

вился и посмотрел назад. Мисс Спенс по-прежнему стояла на ступеньках террасы и улыбалась все той же улыбкой. Мистер Хаттон взмахнул рукой и на сей раз совершенно открыто и недвусмысленно послал ей воздушный поцелуй. Потом все тем же великолепным легким галопцем завернул за темный мыс деревьев. Зная, что теперь его не видят, он перешел с галопа на рысцу и наконец с рысцы на шаг. Он вынул носовой платок и вытер шею под воротничком. Боже, какой идиотизм! Есть ли на свете кто-нибудь глупее милейшей Дженнет Спенс? Вряд ли, разве только он сам. Причем его собственная глупость более зловредна, потому что он-то видит себя со стороны и все же упорствует в своей глупости. Спрашивается — зачем? А-а, поди разберись в самом себе, поди разберись в других людях...

Вот и ворота... У дороги стояла большая, шикарная машина.

— Домой, Мак-Нэб. — Шофер поднес руку к козырьку. — И у перекрестка, там, где всегда, остановитесь, — добавил мистер Хаттон, открывая заднюю дверцу. — Ну-с? — бросил он в получьму машины.

— Ах, котик, как ты долго! — Голос, произнесший эти слова, был чистый и какой-то ребячливый. В выговоре слышалось что-то простецкое.

Мистер Хаттон согнул свой полный стан и юркнул внутрь с проворством зверька, наконец-то добравшегося до своей норки.

— Вот как? — сказал он, захлопнув дверцу. Машина взяла с места. — Значит, ты сильно соскучилась без меня, если тебе показалось, что долго? — Он откинулся на спинку низкого сиденья; его обволокло уютным теплом.

— Котик... — И прелестная головка со счастливым вздохом склонилась на плечо мистера Хаттона. Упенный, он скосил глаза на ребячески округлое лицо.

— Знаешь, Дорис, ты будто с портрета Луизы де Керуайл. — Он зарыл пальцы в ее густые кудрявые волосы.

— А кто она есть, эта Луиза... Луиза Кера... как там ее? — Дорис говорила будто откуда-то издалека.

— Увы! Не есть, а была. Fuit¹. О всех нас скажут когда-нибудь — были такие. А пока...

Мистер Хаттон покрыл поцелуями юное лицо. Маши-

на плавно шла по дороге. Спина Мак-Нэба за стеклом кабины была точно каменная — это была спина статуи.

— Твои руки, — прошептала Дорис. — Не надо... не трогай. Они как электричество.

Мистер Хаттон обожал, когда она, по молодости лет, несла вот такую чушь. Как поздно в жизни дано человеку постичь свое тело!

— Электричество не во мне, а в тебе. — Он снова стал целовать ее, шепча: — Дорис, Дорис, Дорис! — Это научное название морской мыши, думал он, целуя запрокинутую шею, белую, смиренную, как шея жертвы, ждущей заклания карающим ножом. Морская мышь похожа на колбаску с переливчатой шкуркой... странное существо. Или нет, Дорис — это, кажется, морской огурец, который выворачивается наизнанку в минуту опасности. Надо непременно съездить еще раз в Неполь — хотя бы ради того, чтобы побывать в тамошнем аквариуме. Морские обитатели — существа совершенно фантастические, просто невероятные.

— Котик! — Тоже из зоологии, но он причислен к разряду наземных. Ох уж эти убогие шуточки! — Котик! Я так счастлива!

— Я тоже, — сказал мистер Хаттон. Искренно ли?

— Но, может быть, это нехорошо? Ах, если бы знать! Скажи мне, котик, хорошо это или дурно?

— Дорогая моя, я уже тридцать лет ломаю голову над этим вопросом.

— Нет, правда, котик! Я хочу знать. Может, это нехорошо. Может, нехорошо, что я сейчас с тобой, что мы любим друг друга и что меня бьет как электрическим током от твоих рук.

— Почему же нехорошо? Испытывать электрические токи гораздо полезнее для здоровья, чем подавлять в себе половые инстинкты. Надо тебе почитать Фрейда. Подавление половых инстинктов — страшное зло.

— Нет, ты не хочешь помочь мне. Поговори со мной серьезно. Если бы ты знал, как тяжело бывает у меня на душе, когда я думаю, что это нехорошо. А вдруг адское пекло и все такое и вправду есть? Я просто не знаю, как быть дальше. Может, мне надо разлюбить тебя.

— А ты смогла бы? — спросил мистер Хаттон, твердо веря в свою обольстительность и в свои усы.

— Нет, котик, ты ведь знаешь, что не смогу. Но ведь можно бежать от тебя, спрятаться, запереться на ключ и заставить себя не встречаться с тобой.

¹ Была (лат.).

— Дурочка! — Он обнял ее еще крепче.

— Боже мой! Неужели это так скверно? А иногда на меня найдет, и мне становится все равно — хорошо это или дурно.

Мистер Хаттон растрогался. Эта девочка будила в нем покровительственные нежные чувства. Он прильнул щекой к ее волосам, и оба они замолчали, прижавшись друг к другу и покачиваясь вместе с машиной, которая, чуть кренясь на поворотах, с жадностью вбирала в себя белую дорогу и окаймляющую ее пыльно-зеленую изгородь.

— До свидания, до свидания!

Машинка тронулась, набрала скорость, исчезла за поворотом, а Дорис стояла одна у дорожного столба на перекрестке, все еще чувствуя дурман и слабость во всем теле после этих поцелуев и прикосновений этих ласковых рук, пронизывающих ее электрическим током. Надо было вздохнуть всей грудью, силой заставить себя очнуться, прежде чем идти домой. И за полмили ходьбы до дома еще придумать очередную ложь.

Оставшись один в машине, мистер Хаттон вдруг почувствовал, как его обуяла невыносимая скука.

2

Миссис Хаттон лежала на кушетке у себя в будуаре и раскладывала пасьянс. Был теплый июльский вечер, но в камине у нее горели дрова. Черный шпиц, разомлевший от жары и тягот пищеварительного процесса, спал на самом пекле у камина.

— Уф-ф! А тебе не жарко тут? — спросил мистер Хаттон, войдя в комнату.

— Ты же знаешь, милый, как мне нужно тепло. — Голос был на грани слез. — Меня знобит.

— Как ты себя чувствуешь? Лучше?

— Да нет, не очень.

Разговор увял. Мистер Хаттон стоял, прислонившись спиной к каминной доске. Он посмотрел на шпица, лежавшего на ковре, перевернул его навзничь носком правого ботинка и почесал ему брюшко и грудь с проступавшими сквозь шерсть белыми пятнышками. Пес замер в блаженной истоме. Миссис Хаттон продолжала раскладывать пасьянс. Он не получался. Тогда она переложила одну карту, вторую сунула

обратно в колоду и пошла дальше. Пасьянсы у нее всегда выходили.

— Доктор Либбард говорит, что мне надо съездить на воды в Лландриндорд этим летом.

— Ну что ж, дорогая, поезжай. Конечно, поезжай.

Мистер Хаттон вспоминал, как все было сегодня: как они с Дорис подъехали к лесу, нависшему над склоном, оставили машину поджидать их в тени деревьев, а сами ступили в безветрие и солнце меловых холмов.

— Мне надо пить минеральную воду от печени, и еще он советует массаж и курс физиотерапии.

С шляпой в руках Дорис подкрадывалась к голубеньkim бабочкам, которые вчетвером плясали над скабиозой, голубенькими огоньками мерцая в воздухе. Голубой огонек разлетелся четырьмяискрами и потух; она засмеялась, вскрикнула совсем по-детски и погналась за ними.

— Я уверен, что это пойдет тебе на пользу, дорогая.

— А ты, милый, поедешь со мной?

— Но ведь я собираюсь в Шотландию в конце месяца.

Миссис Хаттон умоляюще подняла на него глаза.

— А дорога? — сказала она. — Я не могу думать об этом без ужаса. Как я доберусь? И ты прекрасно знаешь, что в отелях меня мучает бессонница. А багаж и все другие хлопоты? Нет, одна я ехать не могу.

— Почему же одна? С тобой поедет горничная. — Он начинал терять терпение. Больная женщина оттесняла здоровую. Его насилино уводили от воспоминаний о залитых солнцем холмах, о живой, смеющейся девушке и вталкивали в нездоровую духоту этой жарко настопленной комнаты с ее вечно на что-то жалующейся обитательницей.

— Нет, одна я не смогу поехать.

— Но если доктор велит ехать, так ехать надо. Кроме того, дорогая, перемена обстановки пойдет тебе на пользу.

— На это я и не надеюсь.

— Зато Либбард надеется, а он не станет говорить зря.

— Нет, не могу. Это мне не под силу. Я не доеду одна. — Миссис Хаттон вынула платок из черной шелковой сумочки и поднесла его к глазам.

— Все это вздор, дорогая. Возьми себя в руки.

— Нет, предоставьте мне умереть здесь, в покое.— Теперь она плакала по-настоящему.

— О, боже! Ну нельзя же так! Подожди, послушай меня.— Миссис Хаттон зарыдала еще громче. Ну что тут станешь делать! Он пожал плечами и вышел из комнаты.

Мистер Хаттон чувствовал, что ему следовало бы проявить большую выдержку, но ничего не мог с собой поделать. Еще в молодости он обнаружил, что не только не жалеет бедных, слабых, больных, калек, а попросту ненавидит их. В студенческие годы ему случилось провести три дня в одном ист-эндском пункте благотворительного общества. Он вернулся оттуда, полный глубочайшего, непреодолимого отвращения. Вместо участия к несчастным людям в нем было одно только чувство гадливости. Он понимал, насколько несимпатична в человеке эта черта, и на первых порах стыдился ее. А потом решил, что такова уж у него натура, что себя не переборешь, и перестал испытывать угрызения совести. Когда он женился на Эмили, она была цветущая, красивая. Он любил ее. А теперь? Разве это его вина, что она стала такой?

Мистер Хаттон пообедал один. Вино и кушанья настроили его на более миролюбивый лад, чем до обеда. Решил загладить свою недавнюю вспышку, он поднялся к жене и вызвался почтить ей вслух. Она была тронута этим, приняла его предложение с благодарностью, и мистер Хаттон, щеголявший своим выговором, посоветовал что-нибудь не слишком серьезное, по-французски.

— По-французски? Да, я люблю французский.— Миссис Хаттон отозвалась о языке Расина, точно о тарелке зеленого горошка.

Мистер Хаттон сбежал к себе в кабинет и вернулся с желтеньким томиком. Он начал читать, выговаривая каждое слово так старательно, что это целиком поглощало его внимание. Какой прекрасный у него выговор! Это обстоятельство благоворно сказывалось и на качестве романа, который он читал.

В конце пятнадцатой страницы ему вдруг послышались звуки, не оставляющие никаких сомнений в своей природе. Он поднял глаза от книги: миссис Хаттон спала. Он сидел, с холодным интересом разглядывая лицо спящей. Когда-то оно было прекрасно; когда-то, давным-давно, видя его перед собой, вспоминая его, он испытывал такую глубину чувств, какой не знал, быть может, ни раньше, ни потом. Теперь это лицо было

мертвенно-бледное, все в морщинках. Кожа туга обтягивала скулы и заострившийся, точно птичий клюв, нос. Закрытые глаза глубоко сидели в костяном ободке глазниц. Свет лампы, падавший на это лицо сбоку, подчеркивал бликами и тенями его выступы и впадины. Это было лицо мертвого Христа с «*Pietà*» Моралеса.

Le squelette était invisible
Au temps heureux de l'art païen¹.

Он чуть поежился и на цыпочках вышел из комнаты.

На следующий день миссис Хаттон спустилась в столовую ко второму завтраку. Ночью у нее были неприятные перебои, но теперь она чувствовала себя лучше. Кроме того, ей хотелось почтить гостью. Мисс Спенс слушала ее жалобы и опасения насчет поездки в Лландриндор, громко соболезновала ей и не скучилась на советы. О чем бы ни говорила мисс Спенс, в ее речах всегда чувствовался неудержимый напор. Она подавалась вперед, как бы беря своего собеседника на прицел, и выпаливала слово за словом. Бац! Бац! Взрывчатое вещество в ней воспламенялось, слова вылетали из крохотного жерла ее ротика. Она пулеметной очередью решетила миссис Хаттон своим сочувствием. Мистеру Хаттону тоже случалось попадать под такой обстрел, носивший большей частью литературный и философский характер — в него палили Метерлинком, миссис Безант, Берсоном, Уильямом Джеймсом. Сегодня пулемет строчил медициной. Мисс Спенс говорила о бессоннице, она разлагольствовала о целебных свойствах легких наркотиков и о благодетельных специалистах. Миссис Хаттон расцветала под этим обстрелом, как цветок на солнце.

Мистер Хаттон слушал их молча. Дженнет Спенс неизменно вызывала в нем любопытство. Он был не настолько романтичен, чтобы представить себе, что каждое человеческое лицо — это маска, за которой прячется внутренний лик, порой прекрасный, порой загадочный, что женская болтовня — это туман, нависающий над таинственными пучинами. Взять хотя бы его жену или Дорис — какими они кажутся, такие они и есть. Но с Дженнет Спенс дело обстояло иначе. Вот тут-то, за

¹ Невидим был скелет
В счастливые времена языческого искусства (фр.).

улыбкой Джоконды и римскими бровями, наверняка что-то кроется. Весь вопрос в том, что именно. Это всегда оставалось неясным мистеру Хаттону.

— А может быть, вам и не придется ехать в Лландриндод,— говорила мисс Спенс.— Если вы быстро поправитесь, доктор Либбард смируется над вами.

— Я только на это и надеюсь. И в самом деле, сегодня мне гораздо лучше.

Мистеру Хаттону стало стыдно. Если бы не его черствость, ей было бы лучше не только сегодня. Но он утешил себя тем, что ведь речь идет о самочувствии, а не о состоянии здоровья. Одним участием не излечишь ни большой печени, ни порока сердца.

— На твоем месте я не стал бы есть компот из красной смородины, дорогая,— сказал он, вдруг проявляя заботливость к жене.— Ведь Либбард запретил тебе ягоды с кожицей и зернышками.

— Но я так люблю компот из красной смородины,— взмолилась миссис Хаттон,— а сегодня мне гораздо лучше.

— Нельзя быть таким деспотом,— сказала мисс Спенс, взглянув сначала на него, а потом на миссис Хаттон.— Дайте ей полакомиться, нашей бедной страдалице, вреда от этого не будет.— Она протянула руку и ласково потрепала миссис Хаттон по плечу.

— Благодарю вас, милочка.— Миссис Хаттон подложила себе еще компота.

— Тогда уж не вини меня, если тебе станет хуже.

— Разве я тебя, милый, когда-нибудь в чем-нибудь винила?

— Я не давал тебе повода для этого,— игриво ответил мистер Хаттон.— У тебя идеальный муж.

После завтрака они перешли в сад. С островка тени под старым кипарисом виднелась широкая ровная лужайка, где металлически поблескивали цветы на клумбах.

Глубоко вздохнув, мистер Хаттон набрал полную грудь душистого, теплого воздуха.

— Хорошо жить на свете,— сказал он.

— Да, жить хорошо,— подхватила его жена, протянув на солнце бледную руку с узловатыми пальцами.

Горничная подала кофе; серебряный кофейник, молочник и маленькие голубые чашки поставила на складной столик возле их стульев.

— А мое лекарство! — вдруг вспомнила миссис Хаттон.— Клара, сбегайте за ним, пожалуйста. Белый пузырек на буфете.

— Я схожу,— сказал мистер Хаттон.— Мне все равно надо за сигарой.

Он поспешил к дому. И, остановившись на минутку у порога, посмотрел назад. Горничная шла по лужайке к дому. Сидя в шезлонге, его жена раскрывала белый зонтик. Мисс Спенс разливала кофе по чашкам, склонившись над столиком. Он вошел в прохладный сумрак дома.

— Вам с сахаром? — спросила мисс Спенс.

— Да, будьте добры. И, пожалуйста, побольше. Кофе отобьет вкус лекарства.

Миссис Хаттон откинулась на спинку шезлонга и загородилась зонтиком от ослепительно сияющего неба.

У нее за спиной мисс Спенс осторожно позывала посудой.

— Я положила вам три полных ложки. Это отобьет вкус лекарства. А вот и оно.

Мистер Хаттон вышел из дома с винным бокалом, до половины наполненным какой-то светлой жидкостью.

— Пахнет вкусно,— сказал он, передавая бокал жене.

— Оно чем-то приправлено для запаха.— Миссис Хаттон выпила лекарство залпом, передернулась и скрчила гримасу.— Фу, какая гадость! Дай мне кофе.

Мисс Спенс подала ей чашку; она отхлебнула из нее:

— Получился почти сироп. Но это даже вкусно после отвратительного лекарства.

В половине четвертого миссис Хаттон пожаловалась, что ей стало хуже, и ушла к себе — полежать. Муж хотел было напомнить ей про красную смородину, но вовремя удержался. Упрек «что я тебе говорил» принес бы ему сейчас слишком легкую победу. Вместо этого он проявил сочувствие к жене и повел ее под руку в дом.

— Отдохнешь, и все будет хорошо,— сказал он.— Да, кстати, я вернусь домой только после обеда.

— Как? Ты уезжаешь?

— Я обещал быть у Джонсона сегодня вечером. Нам надо обсудить проект памятника погившим воинам.

— Пожалуйста, не уезжай! — Миссис Хаттон чуть не заплакала.— Может, ты все-таки не поедешь? Я так не люблю оставаться одна дома.

— Но, дорогая моя, я же обещал — и давно обещал.— Как неприятно, что приходится лгать! — А сейчас мне надо вернуться к мисс Спенс.

Он поцеловал ее в лоб и снова вышел в сад. Мисс Спенс так и нацелилась ему навстречу.

— Ваша жена совсем плоха,— выпалила она.

— А по-моему, ваш приезд так подбодрил ее.

— Это чисто нервное, чисто нервное. Я наблюдала за ней. Когда у человека сердце в таком состоянии, да к тому же нарушено пищеварение... да, да, нарушено... всего можно ждать.

— Либбард смотрит на здоровье бедной Эмили далеко не так мрачно.— Мистер Хаттон открыл калитку, ведущую из сада в подъездную аллею. Машина мисс Спенс стояла у подъезда.

— Либбард всего лишь сельский врач. Вам надо пригласить к ней специалиста.

Он не мог не рассмеяться.

Мисс Спенс протестующе подняла руку.

— Я говорю совершенно серьезно. По-моему, бедняжка Эмили в тяжелом состоянии. Все может случиться... в любой час, в любую минуту.

Он подсадил ее в машину и захлопнул дверцу. Шофер завел мотор и сел за руль.

— Сказать ему, чтобы трогал? — Мистер Хаттон не желал продолжать этот разговор.

Мисс Спенс подалась вперед и выстрелила в него своей Джокондой.

— Не забудьте, я жду вас к себе, и в самое ближайшее время.

Он машинально ослабился, пробормотал что-то вежливое и помахал вслед отъезжающей машине. Он был счастлив, что наконец-то остался один.

Через несколько минут мистер Хаттон тоже уехал. Дорис ждала его у перекрестка. Они пообедали в придорожной гостинице, в двадцати милях от его дома. Покормили их невкусно и дорого, как обычно кормят в загородных ресторанах, рассчитанных на клиентуру проезжих автомобилистов. Мистер Хаттон ел через силу, но Дорис пообедала с удовольствием. Впрочем, она всегда и от всего получала удовольствие. Мистер Хаттон заказал шампанское — не лучшей марки. Он жалел, что не провел этот вечер у себя в кабинете.

На обратном пути Дорис, немножко охмелевшая, была сама нежность. В машине было совсем темно, но,

глядя вперед, мимо неподвижной спины Мак-Нэба, они видели узкий мирок ярких красок и контуров, вырванных из мрака автомобильными фарами.

Мистер Хаттон попал домой в двенадцатом часу. В холле его встретил доктор Либбард. Это был человек невысокого роста, с изящными руками, тонкими, почти женскими чертами лица. Его большие карие глаза смотрели грустно. Он тратил уйму времени на пациентов, подолгу сидел у их постели, излучая печаль взглядом своих глаз, и вел тихую, печальную беседу — собственно, ни о чем. От него исходил приятный запах, безусловно антисептический, но в то же время неназойливый. и тонкий.

— Либбард? — удивился мистер Хаттон.— Почему вы здесь? Мое же стало хуже?

— Мы весь вечер старались связаться с вами,— ответил мягкий грустный голос.— Думали, вы у Джонсона, но там ответили, что вас нет.

— Да, я задержался в дороге. Машина сломалась,— с досадой ответил мистер Хаттон. Неприятно, когда тебя уличили во лжи.

— Ваша жена срочно требовала вас.

— Я сейчас же поднимусь к ней.— Мистер Хаттон шагнул к лестнице.

Доктор Либбард придержал его за локоть.

— К сожалению, теперь уже поздно.

— Поздно? — Его пальцы затеребили цепочку от часов; часы никак не хотели вылезать из кармашка.

— Миссис Хаттон скончалась полчаса тому назад.

Тихий голос не дрогнул, печаль в глазах не углубилась. Доктор Либбард говорил о смерти так же, как он стал бы говорить об игре в крикет между местными командами. Все на свете суета сует, и все одинаково прискорбно.

Мистер Хаттон поймал себя на том, что вспоминает слова мисс Спенс: «В любой час, в любую минуту...» Поразительно! Как она была права!

— Что случилось? — спросил он.— Умерла? Отчего?

Доктор Либбард пояснил: паралич сердца — результат сильного приступа рвоты, вызванного, в свою очередь, тем, что больная съела что-то неудобоваримое. Компот из красной смородины, подсказал мистер Хаттон. Весьма возможно. Сердце не выдержало. Хронический порок клапанов, напряжение было чрезмерно. Теперь все кончено, она мучилась не долго.

— Какая досада, что похороны назначены на день матча между Итоном и Харроу,— говорил старый генерал Грего, стоя с цилиндром в руках под крытым входом на кладбище и вытирая лицо носовым платком.

Мистер Хаттон услышал эти слова и с трудом подавил в себе желание нанести тяжелоеувечье генералу. Ему захотелось расквасить этому старому негодяю его обрюзгшую, багровую физиономию. Не лицо, а туловая ягода, присыпанная мукой. Должно же быть какое-то уважение к мертвым! Неужели всем все равно? Теоретически ему тоже было более или менее все равно — пусть мертвые хоронят своих мертвцев,— но тут, у могилы, он вдруг поймал себя на том, что плачет. Бедная Эмили! Когда-то они были счастливы. Теперь она лежит на дне глубокой ямы. А этот Грего ворчит, что ему не придется побывать на матче между Итоном и Харроу.

Мистер Хаттон оглянулся на черные фигуры, которые по двое, по трое тянулись к машинам и каретам, стоявшим за воротами кладбища. Рядом с ослепительной пестротой июльских цветов, зеленью трав и листвы эти фигуры казались чем-то неестественным, чуждым здесь. Он с удовольствием подумал, что все эти люди тоже когда-нибудь умрут.

В тот вечер мистер Хаттон допоздна засиделся у себя в кабинете над чтением биографии Мильтона. Его выбор пал на Мильтона потому, что эта книга первая подвернулась ему под руку, только и всего. Когда он кончил читать, было уже за полночь. Он встал с кресла, отодвинул задвижку на стеклянной двери и вышел на небольшую каменную террасу. Ночь стояла тихая и ясная. Мистер Хаттон посмотрел на звезды и на черные провалы между ними, опустил глаза к темной садовой лужайке и обесцвеченным ночью клумбам, перевел взгляд на черно-серые под луной просторы вдали.

Он думал — напряженно, путаясь в мыслях. Есть на свете звезды, есть Мильтон. В какой-то мере человек может стать равным звездам и ночи. Величие, благородство души. Но действительно ли существует различие между благородством и низостью? Мильтон, звезды, смерть и он... он сам. Душа, тело — возвышенное, низменное в человеческой природе. Может, в этом и есть до-ля истины. Приблизившем Мильтона были бог и правед-

ность. А у него что? Ничего, ровным счетом ничего. Только маленькие груди Дорис. В чем смысл всего этого? Мильтон, звезды, смерть, и Эмили в могиле, Дорис и он — он сам... Всегда возвращающийся к себе.

Да, он существование ничтожное, мерзкое. Доказательство к тому сколько угодно. Это была торжественная минута. Он сказал вслух:

— Клянусь! Клянусь! — Звук собственного голоса в ночной темноте ужаснул его; ему казалось, что столь грозная клятва могла бы связать даже богов.— Клянусь! Клянусь!

В прошлом, в канун Нового года и в другие торжественные дни, он чувствовал такие же угрызения совести, давал такие же обеты. Все они растаяли, эти решения, рассеялись, словно дым. Но таких минут, как эта, не было никогда, и он еще не давал себе более страшной клятвы. Теперь все пойдет по-иному. Да, он будет жить, повинуясь рассудку, он будет трудиться, он обуздаст свои страсти, он посвятит всю свою жизнь какому-нибудь полезному делу. Это решено, и так тому и быть.

Он уже прикидывал мысленно, что утренние часы пойдут на хозяйственные дела, на разъезды по имению вместе с управляющим; земли его будут обрабатываться по последнему слову агрономии — силосование, искусственные удобрения, севооборот и все такое прочее. Остаток дня будет отведен серьезным занятиям. Сколько лет он собирался написать книгу — «О влиянии болезней на цивилизацию».

Мистер Хаттон лег спать, сокрушаясь в сердце своем, полный кротости духа, но в то же время с верой в то, что на него снизошла благодать. Он проспал семь с половиной часов и проснулся ярким солнечным утром. После крепкого сна вчерашние волнения улеглись и перешли в обычную для него жизнерадостность. Очнувшись, он не сразу, а только через несколько минут вспомнил свои решения, свою стигийскую клятву. При солнечном свете Мильтон и смерть уже не так волновали его. Что касается звезд, то они исчезли. Но принятые им решения правильны, это было несомненно даже днем. Позавтракав, он велел оседлать лошадь и объехал свое поместье в сопровождении управляющего. После второго завтрака читал Фукидида — о чуме в Афинах. Вечером сделал кое-какие выписки о малярии в Южной Италии. Раздеваясь на ночь, вспомнил, что в юмористическом

сборнике Скелтона есть забавный анекдот о «потнице». Жаль, не оказалось карандаша под рукой, он записал бы и это.

На шестой день своей новой жизни мистер Хаттон, разбирая утром почту, увидел конверт, надписанный знакомым ему неинтеллигентным почерком — почерком Дорис. Он распечатал его и стал читать письмо. Она не знает, что сказать ему, ведь слова ничего не выражают. Его жена умерла — и так внезапно... Как это страшно! Мистер Хаттон вздохнул, но дальнейшее показалось ему более интересным:

«Смерть — это ужас, я стараюсь гнать от себя мысли о ней. Но когда услышишь про такое, или когда мне незддоровится, или когда бывает скверно на душе, я вспоминаю, что смерть — вот она, близко, и начинаю думать о всем нехорошем, что делала в жизни, и о нас с тобой, и не знаю, что будет дальше, и мне становится страшно. Я такая одинокая, котик, и такая несчастная и ума не приложу, что делать. Я не могу не думать о смерти, и я такая неприкаянная, такая беспомощная без тебя. Я не хотела тебе писать, думала — подожду, когда ты снимешь траур и сможешь опять встречаться со мной, но мне было так одиноко, так грустно, котик, что я не удержалась и пишу тебе. Я не могу иначе. Прости! Но я так хочу быть с тобой. Ты у меня один во всем мире. Ты такой добрый, нежный, ты все понимаешь, таких, как ты, больше нет. Я никогда не забуду, какой ты был добрый и ласковый ко мне. И ты такой умный и столько всего знаешь, что я не понимаю, как ты мог заметить меня — необразованную, глупую, и не только заметил, а и полюбил, потому что ты ведь любишь меня немножко, правда, котик?»

Мистер Хаттон почувствовал стыд и угрызения совести. Перед ним преклоняются, ему приносят благодарность. И кто, за что? Эта девушка за то, что он совратил ее! Это уже слишком! Большой нелепости не выдумаешь. С его стороны это был каприз. Бессмысленный, дурацкий каприз — только и всего. Ведь если говорить начистоту, так большой радости это ему не принесло. По сути дела он не столько развлекался, сколько скучал с Дорис. Когда-то он мнил себя гедонистом. Но гедонизм не исключает известной доли рассудочности — это сознательный выбор заведомых наслаждений, сознательное уклонение от заведомых страданий. Он же поступал безрассудно, вопреки

рассудку. Ему заранее было известно — слишком хорошо известно! — что его жалкие романы ничего не принесут — ни увлечений, ни радостей. И все же, как только смутный зуд в крови охватывал его, он поддавался ему и — в который раз! — увязал в этих глупейших интрижках. Вспомнить хотя бы Мэгги — горничную его жены, Эдит — девушку с соседней фермы, и миссис Прингл, и лондонскую официантку, и других, чуть ли не десятки других. И всякий раз ничего, кроме однообразия и скуки. Он знал заранее, как все сложится, всегда знал. И все-таки, все-таки... Опыт ничему нас не учит.

Бедная маленькая Дорис! Он ответит ей ласково, постарается утешить, но встречаться они больше не будут. Вошедший лакей доложил, что лошадь подана и ждет его у подъезда. Он сел в седло и уехал. В то утро старик управляющий действовал ему на нервы больше, чем обычно.

Спустя пять дней Дорис и мистер Хаттон сидели на пристани в Саутэнде: Дорис — в легком белом платье с розовой отделкой — так и сияла от счастья, мистер Хаттон, вытянув ноги и сдвинув панаму на затылок, покачивался на стуле и пытался войти в роль эдакого заправского гуляки. А ночью, когда уснувшая Дорис тепло дышала возле него, сквозь мрак и истому во всем теле к нему пробрались космические чувства, владевшие им в тот вечер — всего лишь две недели назад,— когда он принял такое важное решение. Итак, ту торжественную клятву постигла участь многих других его решений. Безрассудство восторжествовало, он поддался первому же зуду желания. Безнадежный, совершенно безнадежный человек.

Он долго лежал с закрытыми глазами, размышляя над своим позором. Дорис шевельнулась во сне, мистер Хаттон повернул к ней голову. В слабом свете, проникавшем с улицы сквозь неплотно задернутые занавески, виднелась ее обнаженная до плеча рука, ее шея и темная путаница волос на подушке. Она была такая красивая, такая соблазнительная. Стоит ли ему сокрушаться о своих грехах? Какое это имеет значение? Безнадежный? Ну и пусть, надо извлечь все самое лучшее из своей безнадежности. Ликующее чувство свободы вдруг охватило его. Он свободен, он волен делать все, что угодно. В порыве восторга он привлек Дорис к себе. Она

проснулась, растерянная, почти испуганная его грубыми поцелуями.

Буря желания утихла, перейдя в какую-то бездумную веселость. Все вокруг словно переливалось неудержимым беззвучным смехом.

— Кто, ну кто любит тебя больше, чем я, котик? — Вопрос прозвучал еле слышно, он донесся сюда из далеких миров любви.

— А я знаю кто,— ответил мистер Хаттон. Подводный смех вскипал, ширился и, того и гляди, мог вырваться на поверхность тишины.

— Кто? Скажи мне. О ком это ты? — Теперь голос звучал совсем близко, настороженный, тревожный, негодующий, он был от мира сего.

— А-а...

— Кто?

— Ни за что не отгадаешь.— Мистер Хаттон продолжал ломать комедию, пока это не наскучило ему, и тогда назвал имя: — Дженнет Спенс.

Дорис не поверила своим ушам.

— Мисс Спенс, та, что живет на вилле? Та самая старуха? — Это было просто смехотворно. Мистер Хаттон тоже расхохотался.

— Нет, правда, правда,— сказал он.— Она без ума от меня.— Вот комедия! Он повидает ее сразу же, как только вернется,— повидает и покорит.— По-моему, она метит за меня замуж,— добавил он.

— Но ты... ты не собираешься...

Воздух словно дрожал от его веселья. Мистер Хаттон захохотал во весь голос.

— Я собираюсь жениться на тебе,— ответил он. Ничего комичнее он в жизни своей не придумывал.

Когда мистер Хаттон уезжал из Саутэнда, он снова стал женатым человеком. Между ними было решено держать это в секрете до поры до времени. Осенью они уедут за границу, и тогда пусть все узнают. Пока же он возвращался домой, а Дорис — к своим.

На следующий день после приезда он пошел навестить мисс Спенс. Она встретила его обычной Джокондой.

— А я ждала вас.

— Разве я могу подолгу не видеться с вами,— галантно ответил мистер Хаттон.

Они сидели в садовой беседке. Это было миленькое сооружение в виде древнего храма, приютившееся среди

густых зарослей вечнозеленого кустарника. Мисс Спенс и тут оставила свою печать: над скамьей висел белосиний рельеф с мадонной делла Роббии.

— Хочу поехать осенью в Италию,— сказал мистер Хаттон. Веселость бродила в нем, как имбирное пиво в бутылке, из которой того и гляди вылетит пробка.

— Италия...— Мисс Спенс в экстазе закрыла глаза.— Меня тоже влечет туда.

— Почему же не поддаться этому влечению?

— Ах, не знаю. Как-то нет ни сил, ни охоты путешествовать в одиночестве.

— В одиночестве...— Ах этот рокот гитар, гортанное пенье! — Да, в одиночестве путешествовать скучно.

Мисс Спенс молча откинулась на спинку кресла. Глаза у нее были все еще закрыты. Мистер Хаттон погладил усы. Молчание длилось и начинало затягиваться.

Когда мистера Хаттона стали настоятельно приглашать к обеду, он и не подумал отказываться. Самое интересное только начиналось. Стол накрыли в лоджии. Сквозь проемы ее арок им были видны садовые склоны, равнина под ними и далекие холмы. Свет заметно убывал; жара и молчание становились гнетущими. По небу ползла большая туча, издалека доносились чуть слышные вздохи грома. Они звучали все явственнее, поднялся ветер, упали первые капли дождя. Посуду со стола убрали. Мисс Спенс и мистер Хаттон сидели в сгущающейся темноте.

Мисс Спенс нарушила долгое молчание, задумчиво проговорив:

— По-моему, каждый человек имеет право на свою долю счастья, ведь правда?

— Безусловно.

Но к чему она клонит? Такие обобщения, как правило, предваряют излияния на личные темы. Счастье. Он оглянулся на свое прошлое и увидел безмятежное, мирное существование, не омраченное ни невзгодами, ни тревогами, ни сколько-нибудь серьезными горестями. У него всегда были деньги, он всегда пользовался свободой и, в общем, мог делать почти все, что угодно. Да, пожалуй, счастье улыбалось ему — больше, чем многим другим людям. А теперь он не только счастлив — в чувстве безответственной свободы перед ним открылся секрет жизнерадостности. Он уже собрался

распространиться на эту тему, но тут мисс Спенс заговорила снова:

— Такие люди, как вы, как я,— имеем же мы право испытать счастье хоть раз в жизни.

— Такие, как я? — с удивлением переспросил мистер Хаттон.

— Бедный Генри! Судьба была не очень-то милостива к нам с вами.

— Ну что вы! Со мной она могла бы обойтись и похуже.

— Вы просто бодритесь, и это, конечно, мужественно с вашей стороны. Но знайте, эта маска ничего от меня не скроет!

Дождь шумел все сильнее и сильнее, мисс Спенс говорила все громче и громче. Ее слова то и дело тонули в громовых раскатах. Она не умолкала, стараясь перекричать их.

— Я так понимаю вас, я давно, давно поняла вас.

Ее осветила вспышка молнии. Она целилась в него, напряженно подавшись всем телом вперед. Глаза как черные грозные жерла двустволки. И снова темнота.

— Ваша тоскующая душа искала близкую душу. Я знала, как вы одиноки. Ваша супружеская жизнь...

Удар грома оборвал конец фразы. Потом голос мисс Спенс послышался снова:

— ...не пара человеку вашего склада. Вам нужна родная душа.

Родная душа — ему? Родная душа! Боже! Какая несусветная чепуха! «Жоржет Леблан — когда-то родная душа Мориса Метерлинка». На днях он видел такой заголовок в газете. Значит, вот каким рисует его в своем воображении Дженнет Спенс — охотником до родной души? А в глазах Дорис он кладезь ума и сама доброта. Что же он такое на самом деле? Кто знает...

— Сердце мое потянулось к вам. Я все, все понимала. Я тоже была одинока.— Она положила руку ему на колено.— Вы были так терпеливы! — Вспышка молнии. Мисс Спенс по-прежнему опасно целилась в него.— Ни слова жалобы! Но я догадывалась... догадывалась.

— Как это мило с вашей стороны! — Так, значит, он *âme incomprise*¹! — Только женская интуиция...

Гром грянул, прокатился в небе, затих где-то вдали и оставил после себя лишь шум дождя. Гром — это был

его смех, вырвавшийся наружу, усиленный во сто крат. Опять молния, удар — теперь прямо у них над головой.

— А вы не чувствуете, что эта буря сродни вам? — Он будто видел, как она подается всем телом вперед, произнося эти слова.— Страсть сближает нас со стихиями.

Каков же будет его следующий ход? По-видимому, надо сказать «да» и отважиться на какой-нибудь недвусмысленный жест. Но мистер Хаттон вдруг струсил. Имбирное пиво, бродившее в нем, сразу выдохлось. Эта женщина не шутит — какие там шутки! Он пришел в ужас.

— Страсть? Нет,— с отчаянием в голосе ответил он.— Страсти мне не ведомы.

Однако его ответ то ли не слышали, то ли оставили без внимания, ибо мисс Спенс говорила все взволнованнее, но так быстро и таким жгуче-интимным шепотом, что ее с трудом можно было расслышать. Насколько он понимал, она рассказывала ему историю своей жизни. Молния сверкала теперь реже, и они подолгу сидели в кромешной тьме. Но при каждой вспышке он видел, что она по-прежнему держит его на прицеле и так и тянется к нему всем телом. Темнота, дождь — и вдруг молния! Ее лицо было близко, совсем близко. Бескровная, зеленоватая маска: огромные глаза, крохотное жерло ротика, густые брови. Агриппина... или нет, скорее... да, скорее Джордж Роби.

Планы спасения, один другого нелепее, зароились у него в мозгу. А что, если вдруг вскочить, будто он увидел грабителя? «Держи вора! Держи вора!» — и броситься во мрак в погоню за ним. Или сказать, будто ему стало дурно — сердечный приступ... или, что он увидел призрак в саду — призрак Эмили? Поглощенный этими ребяческими выдумками, он не слушал мисс Спенс. Но ее пальцы, судорожно вцепившиеся ему в руку, вернули его к действительности.

— Я уважала вас за это, Генри,— говорила она.

Уважала? За что?

— Узы брака священны, и то, что вы свято чтили их, хотя ваш брак не принес вам счастья, заставило меня уважать вас, восхищаться вами... осмелюсь ли я произнести это слово?..

Грабитель, призрак в саду! Нет, поздно!

— ...и полюбить вас, Генри, полюбить еще сильнее. Но, Генри, теперь мы свободны!

¹ Непонятая душа (фр.).

Свободны? В темноте послышался шорох — она опустилась на колени перед его креслом.

— Генри, Генри! Я тоже была несчастна.

Ее руки обвились вокруг него, и по тому, как вздрагивали ее плечи, он понял, что она рыдает. Словно просительница, молящая о милости.

— Не надо, Дженнет! — воскликнул он. Эти слезы были ужасны, ужасны.— Нет! Только не сейчас. Успокойтесь, подите лягте в постель.— Он похлопал ее по плечу и встал, высвободившись из ее объятий. Она так и осталась на полу возле кресла, на котором он сидел.

Пробравшись ощупью в холл и даже не разыскав свою шляпу, он вышел из дома и осторожно прикрыл за собой дверь, так, чтобы и не скрипнуло. Тучи рассеялись, в чистом небе светила луна. Дорожка была вся в лужах, из канав и стоков доносилось журчанье воды. Мистер Хаттон шлепал прямо по лужам, не боясь промочить ноги.

Как она рыдала! Душераздирающе! К чувству жалости и раскаянию, которое вызывало в нем это воспоминание, примешивалось чувство обиды. Неужели она не могла подыграть ему в той игре, которую он вел,— в жестокой, забавной игре? Но ведь он с самого начала знал, что она не захочет, не сможет играть в эту игру, знал и все же продолжал свое.

Что она там говорила о страстях и стихиях? Что-то донельзя избитое и в то же время правильное, правильное. Она была как подбитая чернотой туча, чреватая громом, а он, наивный мальчионка Бенджамина Франклина, запустил воздушного змея в самую гущу этой угрозы. Да еще жалуется теперь, что его игрушка вызвала молнию.

Может, она и сейчас стоит там, в лоджии, на коленях перед креслом и плачет.

Но почему он не мог продолжать свою игру? Почему чувство полной безответственности вдруг исчезло, бросив его, мгновенно отрезвевшего, на милость этого холодного мира? Ответов на свои вопросы он не находил. В мозгу у него ровным, ярким огнем горела одна мысль — мысль о бегстве. Бежать отсюда — не медля ни минуты.

4

— О чем ты думаешь, котик?

— Так, ни о чем.

Наступило молчание. Мистер Хаттон сидел, облокотившись о парапет земляной террасы, подперев подбородок руками, и смотрел вниз, на Флоренцию. Он снял виллу на одном из холмов к югу от города. С маленькой террасы в глубине сада открывался вид на плодородную долину, тянущуюся до самой Флоренции, на темную громаду Монте-Морелло за ней, а правее, к востоку, на рассыпанные по склону белые домики Фьезоле. Все это ярко освещалось в лучах сентябрьского солнца.

— Тебя что-нибудь тревожит?

— Нет, спасибо.

— Признайся, котик.

— Но, дорогая моя, мне не в чем признаваться.— Мистер Хаттон оглянулся и с улыбкой похлопал Дорис по руке.— Шла бы ты лучше в комнаты, сейчас время сиесты. Здесь слишком жарко.

— Хорошо, котик. А ты придешь?

— Вот только докурю сигару.

— Ну хорошо. Только докуривай скорей, котик.— Медленно, неохотно она спустилась по ступенькам в сад и пошла к вилле.

Мистер Хаттон продолжал созерцать Флоренцию. Ему хотелось побывать одному. Хорошо было, хоть ненадолго, избавиться от присутствия Дорис, от этой неустанный заботливости влюбленной женщины. Он никогда не испытывал мук безответной любви, зато теперь ему приходилось терпеть муки человека, которого любят. Последние несколько недель тянулись одна другой томительнее. Дорис всегда была с ним, как навязчивая мысль, как неспокойная совесть. Да, хорошо побывать одному.

Он вынул из кармана конверт и не без опаски распечатал его. Он терпеть не мог письма — теперь, после его вторичной женитьбы. Это письмо было от сестры. Он наскоро пробежал оскорбительные прописные истины, из которых оно состояло. «Неприличная поспешность», «положение в обществе», «равносильно самоубийству», «не успела остыть», «девица из простонародья» — все как на подбор. Без таких слов не обходилось теперь ни одно послание от его благожелательных и трезво мыслящих родственников. Раздосадованный, он хотел было изорвать в клочья это глупейшее письмо, как вдруг на глаза ему попалась строка в конце третьей страницы. Сердце у него болезненно заколотилось. Это что-то чудовищное! Дженнет Спенс распускает слухи, будто он отравил свою жену, чтобы жениться на Дорис. Откуда такая дьявольская злоба! Мистер Хаттон — человек по

натуре мягкий — почувствовал, что его трясет от ярости. Он отвел душу бранью, с чисто ребяческим удовлетворением обзывая эту женщину последними словами.

И вдруг ему открылась нелепейшая сторона всей ситуации. Подумать только! Будто он мог убить кого-то, чтобы жениться на Дорис! Если бы кто знал, как ему томительно скучно с ней. Бедняжка Дженнет! Она хотела отомстить, а добилась лишь того, что выставила себя дурой.

Звуки шагов привлекли его внимание, он оглянулся. В саду под террасой хозяйская служанка снимала апельсины с деревьев. Эта неаполитанская девушка, которую занесло из родных мест так далеко на север, во Флоренцию, являла классический, хоть и несколько огрубленный тип красоты. Такой профиль можно увидеть на не очень старинной сицилианской монете. Крупные черты ее лица, верные великому идеалу, свидетельствовали о глупости, доведенной почти до совершенства. Самое красивое в этом лице был рот; природа каллиграфически вывела ей линию губ, в то же время придав рту выражение тупого ослиного упрямства... Под безобразным черным платьем мистер Хаттон угадывал тело — сильное, упругое, литое. Он и раньше поглядывал на нее с интересом и смутным любопытством. Сегодня любопытство определилось и перешло в нечто другое — стало желанием. Идиллия Теокрита. Вот она, женщина; правда, сам он не очень-то похож на пастушка с вулканических холмов. Он окликнул ее:

— Армида!

Улыбка, которой она ответила ему, была такой вызывающей, говорила о столь легковесной добродетели, что мистер Хаттон струхнул. Он снова, снова на грани. Надо отступить назад, скорее, скорее, не то будет поздно. Подняв голову, девушка смотрела на него.

— На chiamato? ¹ — спросила она наконец.

Что ж? Безрассудство или разум? А-а, выбора теперь уже нет. Безумие всегда побеждало.

— Scendo! ² — крикнул мистер Хаттон. С террасы в сад было двенадцать ступенек. Он считал их одну за другой. Вниз, вниз, вниз... Мистер Хаттон ясно видел со стороны, как он спускается из одного круга ада в другой — из мрака, где бушуют вихри и град, в бездну зловонной грязи.

¹ Вы меня звали? (ит.)

² Бегу! (ит.)

В течение многих дней дело Хаттона не сходило с первых страниц всех газет. Более сенсационного процесса не было с тех самых пор, как Джордж Смит на время затмил мировую войну, утопив в теплой ванне свою седьмую супругу. Читающую публику волновали газетные отчеты об убийстве, раскрытом только спустя много месяцев со дня его совершения. Все считали, что это тот самый случай в человеческой жизни, тем более примечательный по своей исключительности, когда неизвестное правосудие становится понятно и зримо каждому. Преступная страсть толкнула безнравственного человека на убийство жены. Долгие месяцы он прожил во грехе, мнил себя в полной безопасности и под конец был внезапно низвергнут в яму, вырытую им собственными руками. Вот лучшее доказательство тому, что убийство скрыть нельзя. Читатели газет получили полную возможность следить за каждым движением карающей десницы божией. Сначала неясные, но упорные слухи среди соседей; полиция наконец-то принимает меры. Постановление об эксгумации, вскрытие тела, предварительное следствие, заключения экспертов, судебный процесс, вердикт присяжных, обвинительный приговор. На сей раз пророчество выполнило свой долг грубо, наглядно поучительно, как в мелодраме. Газеты поступили правильно, преподнеся этот процесс как основную пищу для умов своих читателей на целый сезон.

Когда мистера Хаттона вызвали из Италии для дачи показаний на предварительном следствии, первой его реакцией было возмущение. Ну не чудовищно, не позорно ли, что полиция принимает всерьез какие-то пустые, злобные сплетни! Как только предварительное следствие закончится, он подаст в суд на начальника полиции графства за ничем не обоснованное судебное преследование; он притянет за клевету эту мерзавку Спенс.

Предварительное следствие началось: выявились поразительные факты. Эксперты произвели вскрытие тела и обнаружили следы мышьяка; они считают, что причиной смерти миссис Хаттон было отравление мышьяком.

Отравление мышьяком... Эмили умерла, отравленная мышьяком? Вслед за тем мистер Хаттон узнал, к своему удивлению, что в его оранжереях было достаточно

мышьяковых инсектицидов, чтобы отравить целую армию.

И только тогда он вдруг понял: его подозревают в убийстве. Словно завороженный, он следил за тем, как это дело росло, росло, подобно некоему чудовищному тропическому растению. Оно опутывало, окружало его со всех сторон; он блуждал в непроходимой чаще.

Когда был дан мышьяк? Эксперты сошлись на том, что покойная проглотила его за восемь-девять часов до смерти. Примерно во время второго завтрака? Да, примерно во время второго завтрака. Вызвали горничную Клару. Миссис Хаттон, показала она, велела ей принести лекарство. Мистер Хаттон вызвался сходить за ним сам; он ушел в дом один. Мисс Спенс... гроза, бледное, нацелившееся на него лицо! Как это было страшно! Мисс Спенс подтвердила показания Клары и добавила, что мистер Хаттон принес не весь флакон, а винный бокал с дозой лекарства.

Возмущение мистера Хаттона как рукой сняло. Он был подавлен, испуган. Это казалось ему настолько диким, что отнести серьезно к такому кошмару он не мог, и тем не менее факт оставался фактом — все происходило наяву.

Мак-Нэб не раз видел, как они целовались. Он возил их в день смерти миссис Хаттон. Ему было все видно в ветровое стекло, и если поглядеть искоса, тоже видно.

Предварительное следствие закончилось. В тот вечер Дорис легла в постель с сильной головной болью. Войдя к ней в спальню после обеда, мистер Хаттон застал ее в слезах.

— Что с тобой? — Он сел на кровать рядом с ней и погладил ее по волосам. Она долго не могла ответить ему, и он машинально, почти бессознательно гладил ее по голове, иногда наклоняясь и целуя ее в обнаженное плечо. Но думал он о своих делах. Что произошло? Каким образом эта нелепая сплетня оказалась правдой? Эмили умерла, отравленная мышьяком. Это было немыслимо, это не укладывалось у него в голове. Естественный ход вещей нарушен, и он во власти какой-то бессмыслицы. Что же произошло, что будет дальше? Ему пришло оторваться от своих мыслей.

— Это моя вина... Это моя вина! — сквозь слезы вырвалось у Дорис. — Зачем я тебя полюбила! Зачем я позволила тебе полюбить меня! Зачем я родилась на свет божий!

Мистер Хаттон ничего не сказал, молча глядя на эту жалкую фигурку, лежавшую на кровати.

— Если с тобой что-нибудь сделают, я не останусь жить.

Она приподнялась в постели и, держа его за плечи на расстоянии вытянутых рук, впилась ему в лицо таким взглядом, точно они виделись в последний раз.

— Я люблю тебя, люблю, люблю! — Она притянула его к себе — вялого, покорного, — прижалась к нему. — Котик! Я не знала, что ты так любишь меня. Но зачем, зачем ты это сделал?

Мистер Хаттон высвободился из ее рук и встал. Лицо у него побагровело.

— Ты, кажется, убеждена, что я действительно убил свою жену, — сказал он. — Это просто дико! За кого вы меня все принимаете? За героя экрана? — Он начинал выходить из себя. Все раздражение, весь страх и растерянность, владевшие им целый день, вылились в ярость против нее. — Боже! Как это глупо! Имеешь ли ты хоть малейшее понятие об интеллекте цивилизованного человеческого существа? Неужели я похож на человека, который убивает всех походя? Ты, верно, воображаешь, что я влюбился в тебя до полной потери сознания и с легкостью решился на такое безумство. Когда вы, женщины, поймете, что любви до потери сознания не бывает? Человеку нужно одно: спокойная жизнь — то, чего вы как раз не хотите ему дать. Я сам не понимаю, какого черта мне понадобилось жениться на тебе. Это была глупейшая шутка. А теперь ты твердишь, что я убийца. Довольно, хватит с меня!

Твердо ступая, мистер Хаттон пошел к двери. Он знал, что наговорил ужасных вещей, недопустимых вещей, что надо немедленно взять свои слова обратно. Но нет, этого он делать не станет. Он затворил за собой дверь.

— Котик! — Он повернул дверную ручку, язычок щелкнул. — Котик! — В голосе, который донесся до него сквозь запертую дверь, была мука. Вернуться? Да, надо вернуться. Он взялся за ручку, тут же отдернул пальцы и быстро зашагал прочь, но на середине лестницы остановился. Она способна сотворить любую глупость — выброситься из окна, сделать бог знает что... Он внимательно прислушался — все было тихо. Но ему ясно представилось, как она на цыпочках идет к окну, поднимает раму, насколько можно, и высовывается

наружу, на холодный ночной воздух. Шел небольшой дождь. Под окном каменная терраса. Сколько до нее? Футов двадцать пять — тридцать? Однажды он шел по Пикадилли, и с третьего этажа отеля «Риц» свалилась собака. Он видел, как она упала, слышал стук о тротуар. Вернуться? Да ни за что в жизни; он ненавидел ее.

Он долго сидел у себя в кабинете. Что произошло? Что происходит? Он прикладывал и так и сяк и не находил ответа на свой вопрос. А что, если придется досмотреть этот кошмар до страшного конца? Ему грозит смерть. Из глаз у него потекли слезы; он так страстно хотел жить. «Хорошо жить на свете». Несчастной Эмили тоже хотелось жить, вспомнилось ему. «Да, жить хорошо». Есть еще столько мест в этом удивительном мире, где он не успел побывать, столько милых, забавных людей, с которыми он не успел познакомиться, столько очаровательных женщин, которых он и в глаза не видел. Могучие белые волны по-прежнему будут медленно влакивать свои повозки по тосканским дорогам; кипарисы, стройные, как колонны, будут все так же вздыматься в голубое небо; но он ничего этого не увидит. А сладкие южные вина — «Слеза Христова» и «Иудина Кровь»? Не он будет пить их — другие, не он. Другие будут бродить по узким полутемным проходам между книжными полками в недрах Лондонской библиотеки, вдыхать приятный пыльный запах хороших книг, вглядываться в незнакомые заглавия на корешках, открывать неизвестные имена, вести разведку на подступах к необъятному миру познания. Он будет лежать в земле, на дне глубокой ямы. Но за что, за что? Смутно он чувствовал в этом какой-то неподдающийся разуму акт справедливости. В прошлом он был полон легкомыслия, глупости, совершал безответственные поступки. Теперь судьба вела с ним такую же легкомысленную, безответственную игру. Значит, око за око, значит, бог все-таки есть.

Ему захотелось молиться. Сорок лет назад он каждый вечер становился на колени у своей кроватки. Ежевечерняя формула детства сама собой вернулась к нему из какой-то давно замкнутой на замок каморки памяти. «Боженька, храни папу и маму, Тома, сестренку и маленького братца, мадемуазель и няню и всех, кого я люблю, и сделай так, чтобы я стал хорошим мальчиком. Аминь». Все они давно умерли — все, кроме Сисси.

Мысли его утихли и словно размылись; великий покой обнял душу. Он поднялся вверх по лестнице просить прощения у Дорис. Она лежала на кушетке в ногах кровати. Рядом, на полу, валялся синий флакон с жидкостью для растирания; на этикетке надпись: «Наружное». Она, должно быть, выпила не меньше половины его содержимого.

— Ты не любил меня, — только и выговорила она, открыв глаза и увидев его склонившимся над ней.

Доктор Либбард приехал вовремя и успел предотвратить серьезные последствия.

— Больше так делать нельзя, — сказал он, когда мистер Хаттон вышел из комнаты.

— А что меня остановит? —зывающе спросила Дорис.

Доктор Либбард устремил на нее взгляд своих больших печальных глаз.

— Ничто и никто, — сказал он. — Никто, кроме вас и вашего ребенка. Разве это справедливо, если вы не дадите вашему ребенку родиться на свет божий только потому, что вам самой захотелось уйти из него?

Дорис долго молчала.

— Хорошо, — наконец прошептала она. — Больше не буду.

Остаток ночи мистер Хаттон просидел у ее кровати. Теперь он и вправду считал себя убийцей. Он пробовал винуть себе, что любит эту жалкую девочку. Он задремал в кресле и очнулся, весь окостеневший, прородгший, — очнулся с ощущением полной пустоты в душе. От него прежнего не осталось ничего, кроме усталости, страдающего остова. В шесть часов утра он разделился, лег в постель и уснул часа на два. В тот же день коронер вынес решение о «предумышленном убийстве», и дело мистера Хаттона передали в суд.

6

Мисс Спенс чувствовала себя плохо. Выступления на людях в качестве свидетельницы оказались весьма тягостными, и когда все кончилось, у нее было нечто вроде депрессии. Она плохо спала и страдала нарушением пищеварения на нервной почве. Доктор Либбард навещал ее каждый день. Она подолгу говорила с ним — все больше о деле Хаттона... Ее возмущенные чувства не

сходили с точки кипения. Подумать только, что у тебя в доме бывал убийца, просто ужас берет! Подумать только, как долго можно ошибаться в человеке! (Правда, у нее-то с самого начала были кое-какие подозрения.) А эта девица, с которой он сбежал,— она же из простых, чуть ли не с панели. Весть о том, что вторая миссис Хаттон ожидает ребенка, который родится после смерти отца, осужденного и казненного преступника, возмутила ее, в этом было что-то оскорбительное, непристойное. Доктор Либбард отвечал ей мягко, уклончиво и прописывал бром.

Однажды утром он перебил на полуслове ее обычные тирады.

— Между прочим,— сказал он, как всегда ровным и печальным голосом,— ведь это вы отравили миссис Хаттон?

Две-три секунды мисс Спенс смотрела на него в упор своими огромными глазами, потом чуть слышно проговорила:

— Да.— И заплакала.

— Подсыпали в кофе?

Она кивнула, по-видимому, утвердительно. Доктор Либбард вынул вечное перо и своим четким каллиграфическим почерком выписал ей рецепт на снотворное.

ПРИМЕЧАНИЯ

В творческом наследии Олдоса Хаксли проза малых форм занимает особое место. Если большинство романов писателя, по справедливому замечанию У. Аллена, «как романы не выдерживают строгой критики», ибо Хаксли писал их «спустя рукава», особо не заботясь ни о построении сюжета, ни о психологической мотивировке характеров, то его лучшие новеллы и эссе свидетельствуют не только об остром скептическом уме, но и о незаурядном писательском мастерстве их создателя.

Злые языки утверждали, что Хаксли по-настоящему любил лишь одно: читать Британскую энциклопедию. И хотя эта ядовитая шутка, наверное, несправедлива, в ней есть изрядная доля истины. Дело в том, что по самому складу художественного мышления он был подобен читателю энциклопедии, бесстрастно перелистывающему страницы в поисках интересных фактов и точных формулировок. Его главный и определяющий творческий импульс — это всегда идея, а литературный текст — удобное средство ее остроумно высказать или опровергнуть. Поэтому граница между художественным и нехудожественным постижением мира у Хаксли стирается: роман, например, часто представляет собой конгломерат слабо замаскированных эссе, а эссе в свою очередь — переработанную новеллу или фрагмент романа. В случае с романом подобная установка приводит к фрагментарности, бесформенности, но на короткой дистанции новеллы она не вступает в противоречие с формой.

Такой тип художника — интеллектуала, эрудита, сатирика-скептика — для английской литературы весьма характерен, и среди предшественников Хаксли можно назвать, например, Свифта и Пикока, Батлера и Честертона, Уэллса и Шоу. Когда Вирджиния Вулф, писательница совершенно иного склада, презрительно сравнивала прозу Хаксли с викторианским «проблемным» романом и обвиняла его в том, что он превращает людей в идеи, она, по сути дела, выражала неприязнь не к конкретному тексту, а к чуждой ей литературной традиции со своими

собственными законами. Но именно эта традиция была для Хаксли органичной, и отступая от нее, он всякий раз терпел неудачу.

В новеллах писателя, казалось бы, соблюdenы все необходимые законы жанра — в них есть ловко придуманный анекдот, острая концовка, точная деталь, легкость повествовательной интонации. Однако и здесь новеллистические приемы лучше всего «работают», когда подчиняются идейной доминантне и сопрягаются с приемами эссеистическими — когда герой или рассказчик на время снимает маску и начинает говорить авторским голосом. При таком построении новелл вполне естественно появление в них огромного числа аллюзий, реминисценций, цитат, исторических параллелей, экскурсов в различные области знаний, то есть всех традиционных атрибутов английского ученого эссе. Для читателя, принадлежащего к другой культуре, это может создать особые трудности, ибо он рискует потерять из вида авторскую мысль за чередой незнакомых имен, цитат, намеков, отсылок. Разъяснить читателю их смысл — вот основная задача примечаний.

Поскольку энциклопедическая эрудиция Хаксли дает о себе знать почти в каждом рассказе, вошедшем в данный сборник, а объем примечаний ограничен, то в них не даются справки о наиболее известных исторических лицах и событиях (Байрон, Диккенс, русско-турецкая война), мифологических персонажах (Аполлон, Афродита), географических названиях (Флоренция, Падуя, Гайд-парк). Названия улиц, площадей и других реалий комментируются лишь в тех случаях, когда они несут дополнительную смысловую нагрузку в тексте.

Не вошли в примечания и сведения литературного характера, которые могли бы представлять интерес для читателя книги. Так, например, нигде не оговариваются многочисленные случаи перекличек между новеллами и другими произведениями писателя, а также не раскрываются возможные прототипы и объекты скрытой полемики (Д. Г. Лоуренс и его роман «Любовник леди Чаттерлей» в повести «После фейерверка» и т. п.).

В состав книги вошли рассказы из следующих сборников Хаксли: «Тревоги смертных» («Улыбка Джоконды», «Банкет в честь Тиллотсона», «Монашка к завтраку»); «Небольшая мексиканочка» («Баночка румян», «Портрет», «Юный Архимед», «Небольшая мексиканочка»); «Две или три грации» («Субботний вечер», «Волшебница крестная»); «Огарки» («Чоудрон», «Целительный отдых», «Клакстоны», «После фейерверка»).

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

С. 21. *С другими спорят, ты же неуязвим... Из бездн к вершинам... Величие твоё... — обрывочные цитаты из сонета английского поэта и критика Мэтью Арнольда (1822—1888) «Шекспир» (1844).*

Шекспир! О если бы ты жил средь нас!.. — Герой цитирует обращенную не к Шекспиру, а к Джону Мильтону начальную строку сонета

английского поэта-романтика Уильяма Бордсворт (1770—1850) «Лондон, 1802» (1802, 1809):

Мильтон! О если бы ты жил средь нас!
Англия нуждается в тебе. Она превратилась
В стоячее болото...

...прекрасная дама Христова Колледжа — прозвище Мильтона в годы учения в Кембриджском университете.

С. 22. *Агриннина* (ум. 59 г.) — мать римского императора Нерона, совершившая множество злодействий, чтобы возвести своего сына на престол. Была казнена по приказу самого Нерона.

С. 24. *Луиза де Керуайль* (1649—1734) — последняя из многочисленных любовниц английского короля Карла II (1630—1685), известная также как мадам Карвелл; хитроумная бретонка с детским лицом.

С. 25. ...*Дорис!* — Это научное название морской мыши... — В зоологической номенклатуре род морских мышей назван именем греческой богини Афродиты. Очевидно, герой спутал имя Дорис с греческим словом *Doritis* (щедрая) — одним из эпитетов Афродиты.

...съездить еще раз в Неаполь... — В неаполитанском парке Вилла Национале находится зоологическая станция, основанная в 1872—1874 гг. В нее входит и огромный Аквариум, который считается лучшим в мире собранием морских животных.

...почтати Фрейда. *Подавление половых инстинктов — страшное зло.* — Согласно теориям австрийского психолога, основателя психоанализа Зигмунда Фрейда (1856—1939), вытеснение сексуальных влечений в сферу подсознательного часто является причиной возникновения неврозов.

С. 27. *Лландриндоф* — курорт в Уэльсе с горячими минеральными источниками.

С. 28. *Расин Жан* (1639—1699) — французский драматург, крупнейший поэт классицизма.

С. 29. ...лицо мертвого Христа с «*Pietà*» Моралеса. — Имеется в виду картина испанского художника Луиса де Моралеса (1509—1586) «Дева Мария с мертвым Христом», находящаяся в музее города Севильи.

Le squelette était invisible... — Источник цитаты обнаружить не удалось.

Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский поэт и драматург, один из виднейших представителей европейского символизма, лауреат Нобелевской премии 1911 г. *Миссис Безант Энни* (1847—1933) — английская общественная деятельница, активно выступавшая в защиту либеральных реформ. Известна также как последовательница теософского учения мадам Блаватской; с 1907 г. президент Теософического общества. *Бергсон Анри* (1859—1941) — французский философ-идеалист, труды которого пользовались широкой известностью в первой половине

XX в. *Уильям Джеймс* (1842—1910) — американский философ и психолог, автор известного труда «Принципы психологии» (1980), брат писателя Генри Джеймса.

С. 34. *Матч между Итоном и Харроу* — ежегодный крикетный матч между командами двух старейших привилегированных частных школ Англии — Итона (осн. 1440) и Харроу (осн. 1571). Матч проводится в Лондоне на стадионе «Лордз Граунд».

...пусть мертвые хоронят своих мертвцев... — цитата из Нового Завета (Мф. 8:22).

С. 35. *Стигийская клятва* — в греческой мифологии клятва водой Сти克斯, реки в царстве мертвых. Считалась самой страшной клятвой; нарушивший ее бог год лежит бездыханным, девять лет живет вдали от Олимпа и только на десятый год возвращается в сонм олимпийцев.

...читал Фукидида — о чуме в Афинах. — Греческий историк Фукидид (род. ок. 470 г. до н. э.) подробно описывает опустошительную эпидемию чумы в Афинах во второй книге своей «Истории».

...в юмористическом сборнике Скелтона есть забавный анекдот... — По-видимому, имеется в виду сборник «Веселые рассказы» (1566), составленный из анекдотов о Джоне Скелтоне (ок. 1460—1529), английском поэте-сатирике и драматурге.

С. 37. *Саутэнд* — морской курорт близ устья Темзы с прекрасными песчаными пляжами.

С. 39. *Делла Роббия Лука* (1400—1482) — флорентийский скульптор, знаменитый своими рельефами, а также фигурами из терракоты.

С. 40. *Жоржет Леблан* — артистка парижской «Опера комик», в 1910-е гг. жена Мориса Метерлинка (см. примеч. к с. 29).

С. 41. *Джордж Роби* (1869—1954) — известный комик, которого называли «премьер-министром смеха»; с 1891 г. выступал в различных программах мюзик-холла; участник популярных ревю времен первой мировой войны.

С. 42. ...*Бенджамин Франклайн... воздушного змея... молнию.* — Американский политический деятель и ученый Бенджамин Франклайн (1706—1790) прославился тем, что «вырвал молнию у богов», показав, что она представляет собой электрический разряд. В июне 1752 г. он запустил во время грозы воздушного змея на бечевке и получил электрические искры.

С. 43. ...*снял виллу на одном из холмов к югу от города.* — В тех же местах снимает виллу рассказчик новеллы Хаксли «Юный Архимед», где открывающийся с холмов вид описан более подробно (см. с. 109 наст. изд.).

Монте-Морелло — самая высокая гора в окрестностях Флоренции (934 м); *Фьезоле* — древний этрусский город, расположенный на одноименной горе.

С. 44. *Теокрит* (Феокрит, 1-я пол. 3 в. до н. э.) — древнегреческий поэт, создатель жанра буколических (пастушеских) идyllий, централь-

ный образ которых — пастух, томящийся любовью. Действие идиллий обычно происходит в горах Сицилии или Южной Италии.

...из одного круга ада в другой... — реминисценция Дантова «Ада». У Данте ветер и тьма — атрибуты второго круга (сладострастники), град — третьего (чревоугодники), грязь и трясина — пятого (гневные).

С. 45. *...с тех самых пор, как Джордж Смит на время затмил мировую войну...* — Имеется в виду громкое уголовное дело Джорджа Джозефа Смита (1872—1915), который, как доказало следствие, утопил в ванне трех своих жен, чтобы получить наследство и страховку. На теле убитых не оставалось никаких следов насилия, и поэтому способ убийства долгое время не был ясен. Наконец в результате следственного эксперимента обнаружилось, что Смит внезапным рывком за ноги опрокидывал принимавшую ванну женщину под воду, и она мгновенно захлебывалась. Сообщения в газетах о следствии и процессе над Смитом, который открылся 22 июня 1915 г., действительно отодвинули на второй план события первой мировой войны. Смит был приговорен к смертной казни и повешен.

...убийство скрыть нельзя — цитата из посвящения к пьесе английского драматурга Уильяма Конгрива (1670—1729) «Двоедушный» (1693): «Любовь и убийство скрыть нельзя».

С. 48. «Слеза Христова», «Иудина Кровь» — буквальный перевод названий известных итальянских вин.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Дьяконова. Олдос Хаксли — новеллист.</i>	3
НОВЕЛЛЫ	
Улыбка Джоконды. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	20
Банкет в честь Тиллотсона. <i>Перевод С. Белова</i>	50
Монашка к завтраку. <i>Перевод Г. Островской</i>	74
Баночка румян. <i>Перевод А. Миролюбовой</i>	91
Портрет. <i>Перевод С. Сухарева</i>	96
Юный Архимед. <i>Перевод Н. Рахмановой</i>	108
«Небольшая мексиканочка» <i>Перевод В. Боширя</i>	143
Субботний вечер. <i>Перевод Н. Галь</i>	173
Волшебница крестная. <i>Перевод Т. Садовской</i>	188
Чоудрон. <i>Перевод И. Комаровой</i>	200
Целительный отдых. <i>Перевод М. Шерешевской</i>	244
Клакстоны. <i>Перевод Г. Островской</i>	283
После фейерверка. <i>Перевод М. Беккер и М. Соболовой</i>	312
Примечания	420

Хаксли О.

16 Новеллы: Пер. с англ./Сост. Н. Дьяконовой, И. Комаровой; Вступ. статья Н. Дьяконовой; Примеч. А. Долинина, Г. Лапиной.— Л.: Худож. лит., 1985.—456 с., 1 л. портр.

Олдос Хаксли (1894—1963) — известный английский писатель, один из создателей европейского «интеллектуального» романа, в творчестве которого ярко отразился социальный и духовный кризис буржуазного общества. Хаксли принадлежит также несколько сборников новелл, в которых он выступает как критик буржуазной цивилизации. В книгу вошли лучшие новеллы из сборников «Тревоги смертных», «Небольшая мексиканочка», «Две или три грации», «Огарки».

X 4703000000-52
028(01)-85

ББК 84. 4вл

ОЛДОС ХАКСЛИ

НОВЕЛЛЫ

Редактор
А. Славинская
Художественный редактор
В. Курянов
Технический редактор
М. Шафрова
Корректоры
А. Борисенкова,
Л. Никульшина

ИБ № 3326

Сдано в набор 19.03.84. Подписано в печать 30.11.84. Формат 84×108 1/32.
Бумага кн.-журн. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,94 + вкл. 0,05 = 23,99. Усл. кр.-отт. 23,99. Уч.-изд. л. 26,88 + 1 вкл. =
= 26,93. Тираж 100 000 экз. Изд. № LVI-65. Заказ 1351. Цена 2 р. 80 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.